

НИКОЛАЙ РАВИЛЬЕВИЧ СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
slavnitski@bk.ru

ФРАНЦУЗСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В КРЕПОСТЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XVIII ВЕКА

Рассматривается вопрос о привлечении иностранных инженеров к фортификационным работам на Северо-Западе России в первые годы Северной войны. В то время возводились новые укрепления и происходил переход от башенной системы к бастионной, распространенной в Западной Европе. В этой модернизации значительную роль сыграли французские и немецкие инженеры, оказавшиеся на российской службе. Впервые поставлен вопрос о том, на какие школы пытался ориентироваться в первые годы XVIII века Петр I.

Ключевые слова: Северная война, Петр I, инженеры

На рубеже XVII–XVIII веков на русской службе было немало иностранцев. Не стала исключением и инженерная часть – в то время в России появилось несколько фортификаторов, причем представлявших разные школы – немецкую и французскую. Не факт, что так задумывалось Петром с самого начала, скорее, это получилось стихийно. Привлекали в первую очередь немецких инженеров, а французские появились самостоятельно. Интересно, что в России практически не было голландских фортификаторов, хотя нидерландская фортификационная школа была одной из лучших в Европе (наряду с французской), и в то же время на русской службе оказалось немало голландских моряков. И первыми учителями Петра I в области инженерного искусства были именно голландцы – Франц Тимерман, Адам Сило (он учил юного царя чертить планы и профили оборонительных построек) [7]. Единственным известным нам голландским инженером, принятым на службу в 1697 году, стал В. М. де Геннин (1676–1750) [5: 173], но он был еще молод и не мог выполнять самостоятельные работы, а в дальнейшем прославился как строитель российских горных заводов.

Работы для фортификаторов в России было много – в западноевропейских странах в этот период уже господствовала бастионная система укреплений, тогда как русские крепости по-прежнему были башенными. Задачей иноземцев как раз и стало строительство новых фортеций. В те годы на Севере и Северо-Западе разворачивалось масштабное фортификационное строительство – вокруг каменных башенных крепостей Новгорода, Пскова и Шлиссельбурга насыпали деревоземляные укрепления бастионного типа, а под Архангельском и чуть позже на берегах Невы возводили новые крепости.

В Архангельск в декабре 1700 года был отправлен саксонский инженер И. Адлер, которому было поручено заниматься возведением крепости

в устье Северной Двины, однако в марте следующего года вместо него был назначен бранденбургский (пруссский) фортификатор Г. Э. Резе, который и стал строителем архангельской Новодвинской крепости [2: 35–36]. Не исключено, что первая неудача с работой И. Адлера вынудила Петра I отправить в Псков сразу двух инженеров – француза Ламота де Шампи, который в мае 1701 года произвел осмотр существовавших укреплений города, и саксонца Вильгельма Адама Кирштенштейна [6: 187–188]. Но вполне возможен и такой вариант, что французский специалист занимался приведением в порядок каменных стен, а саксонский – насыпкой бастионов (это косвенно подтверждается тем, что первый из них с самого начала взялся за осмотр стен). Любопытно то, что в одном месте оказались представители разных школ, хотя французская уже впитала в себя лучшие черты итальянской и немецкой. Во многом по этой причине именно она (в первую очередь стараниями маршала С. Вобана) считалась в то время самой передовой. Как бы то ни было, с задачей они справились. В предельно сжатые сроки – к лету 1701 года – было насыпано 9 земляных бастионов, соединенных куртинами, которые были расположены параллельно каменной крепостной стене (эти бастионы прикрывали, главным образом, стены Окольного города, которые находились в наиболее удручающем состоянии [6: 190]). Крепостная артиллерия и стрелковая оборона были перенесены на новые укрепления. Стараниями Л. де Шампи и В. А. Кирштенштейна в 1700–1701 годах была найдена очень удачная и удобная форма быстрого усиления обороноспособности старых крепостей – возведение вокруг каменных оград земляных бастионов, что позволяло к невыгоде нападающих, во-первых, выдвинуть вперед узлы артиллерийской обороны и тем самым расширить зону боя вокруг крепости, во-вторых, пользуясь изломанными

линиями фронта обороны, более эффективно, чем раньше, вести заградительный огонь в нужных направлениях [4: 473]. Затем этот способ укреплений был развит при восстановительных работах в других крепостях. В частности, точно так же были усилены укрепления Ямбурга весной 1703 года – этим занимался инженер Гольцман, приехавший в Россию из Бранденбурга [7: 32]. Там он, по всей видимости, оставался недолго, ибо в апреле следующего года П. М. Апраксин писал губернатору Ингерманландии А. Д. Меншикову, что «прежний инженер без меня зимою к Москве уехал и где ныне не знаю», и просил прислать туда фортификатора, поскольку многие места «требовали починки»¹.

Здесь хотелось бы еще раз обратить внимание на отсутствие в России голландских инженеров. Дело в том, что возведение земляных укреплений – это, в первую очередь, голландский принцип, появившийся в период войны за независимость Нидерландов, когда не было возможности строить каменные долговременные укрепления, и они максимально быстро возводили земляные. Безусловно, Петр I в ходе Великого посольства 1697–1698 годов узнал об этом и два года спустя успешно использовал эти принципы. Выскажем предположение, что во время своего первого визита в Западную Европу царь просто не предполагал (да и не мог предположить), что ему придется очень скоро вплотную думать о фортификационных укреплениях. Идея войны против Швеции, как известно, оформилась уже после возвращения в Россию, а разгром под Нарвой совсем не входил в его планы.

Дальнейшая судьба Л. де Шампи на нам пока не известна, а В. А. Кирштенштейн позже занимался строительством Санкт-Петербургской крепости. И рядом с ним на сей раз оказался другой француз – Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн. Ламбер появился на российской службе в 1700 году вместе с Л. Н. Аллартом (Галлартом)², которого саксонский курфюрст и польский король Август II командировал в Россию (по другим данным, приехал в страну в 1701 году). Возможно, он был под Нарвой, но тогда избежал плена. В 1701 году инженер оказался в свите царя, который готовился к поездке в Архангельск и походу к Нотебургу. Он руководил осадными работами и под Нотебургом осенью 1702 года, и под Ниеншанцем весной 1703-го [3], поэтому неудивительно, что именно ему было поручено заниматься строительством деревоземляной крепости Санкт-Петербург, положившей начало столице Российской империи. В какой-то степени французский инженер-авантюрист оказался в нужное время в нужном месте.

Как они работали с В. А. Кирштенштейном, сказать сложно. С. Д. Степанов полагает, что они

оба подготовили проекты укреплений, но проект саксонского инженера не был востребован, так как крепость строилась «с великим поспешением», а фундаментные работы, связанные с возведением южных бастионов, запроектированных Кирштенштейном, сильно вдающихся в Неву, а также строительство сразу двух равелинов потребовали бы значительного времени и денежных вложений, что Петр I не мог себе позволить в обстановке, когда шведский флот находился в Финском заливе [7: 37]. Поэтому укрепления были возведены по проекту, разработанному Ламбером, причем в соответствии с принципами французской фортификационной школы, которая в то время пользовалась наибольшей известностью [7: 55].

В. А. Кирштенштейн оставался в Санкт-Петербурге и, судя по его донесению А. Д. Меншикову, разрабатывал новые проекты укреплений – фоссебрей и равелинов, запрашивал, «каким образом те равелины фозсабрей и кавалеры делать изволите»³. По всей видимости, в то время Петр I и А. Д. Меншиков задумывались над вопросом возведения более мощной крепости, и при перестройке ее в камне были использованы наработки саксонского инженера, правда, к тому времени В. А. Кирштенштейна уже не было в живых – он скончался в 1705 году. А в 1706 году покинул российскую службу и Ламбер де Герэн, решивший бежать из страны. Таким образом, из тех инженеров, кто прибыл в Россию в первые годы Северной войны, на службе остался лишь Г. Э. Резе, продолжавший работать в Архангельске.

В то же время на российской службе оказался и первый известный нам голландский инженер – подполковник Марко Гинсон. Он был принят в 1705 году и в следующем году находился в полевой армии⁴. Кроме того, в 1702 году были наняты десять голландских гидроинженеров [1: 156].

Таким образом, голландских инженеров Петр I в первом десятилетии XVIII века привлекал на российскую службу достаточно активно, однако фортификационные работы им не поручали. И это было осознанной политикой. Выскажем предположение, что это связано с тем, что царь посчитал оптимальным привлечение именно французских и немецких инженеров, которые использовали французские методики. Сначала это получилось во многом случайно, а затем этот опыт был признан успешным. Это в какой-то степени подтверждает и более поздний опыт – в конце царствования Петра I во главе инженерного ведомства находился француз Е. де Кулон, а строительством укреплений (с конца 1720-х годов – руководителем фортификационной конторы) занимался немец Б. Х. Миних, предпочитавший французские способы расположения укреплений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив СПб ИИРАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 10–12; Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

² ПБМППВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 837.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван дер Зваан А. Х. Российские каналы и голландские инженеры-гидравлики // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. С. 155–160.
2. Гостев И. М. Архангельская Новодвинская крепость // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 15. С. 33–59.
3. Данков М. Ю. Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герэна // Петровское время в лицах – 2006. Труды Государственного Эрмитажа XXXII. СПб., 2006. С. 113–122.
4. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979. С. 471–499.
5. Корепанов Н. С., Корепанова С. А. Вклад В. Г. де Геннина в социально-экономическое развитие Урала // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. С. 173–188.
6. Макеев Л. Н. Инженеры Ламот де Шампи и Вильгельм Адам Киршенштейн – во главе строительства фортификационных сооружений Пскова в 1701 году // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 184–191.
7. Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. 240 с.

Slavnitskiy N. R., State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

**FRENCH AND GERMAN ENGINEERS IN FORTRESS FORTIFICATIONS
OF NORTHWESTERN RUSSIA IN THE FIRST YEARS OF THE XVIII CENTURY**

The article deals with the issue of attracting foreign engineers to participate in fortification works conducted in the north-west of Russia in the early years of the Northern War. At that time, new types of fortifications were built in Western Europe. Foreign engineers invited by Peter the Great served for the benefit of Russia. They promoted an engineering transition from the tower to the bastion system. French and German engineers played a significant role in this modernization. The study is focused on the essence of engineering schools that Peter the Great used as examples for national fortification development.

Key words: Northern War, Peter I, engineers

REFERENCES

1. Van der Zvaan A. Kh. Russian channels and Dutch hydraulic engineers [Rossiyskie kanaly i gollandskie inzheneriy-gidravliki]. *Rossiia – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropeyskom prostranstve: Materialy V mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. St. Petersburg, 2014. P. 155–160.
2. Gostev I. M. Archangel Novodvinsk fortress [Arkhangel'skaya Novodvinskaya krepost']. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga*. Issue 15. St. Petersburg, 2007. P. 33–59.
3. Dankov M. Yu. Favorite Fortune. On the mysterious fate of Lambert de Guerin [Baloven' fortuny. O zagadochnoy sud'be Lambera de Gerena]. *Petrovskoe vremya v litsakh – 2006. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XXXII*. St. Petersburg, 2006. P. 113–122.
4. Kirpichnikov A. N. Fortresses of bastion type in medieval Russia [Kreposti bastionnogo tipa v srednevekovoy Rossii]. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya*. 1978. Leningrad, 1979. P. 471–499.
5. Korepanov N. S., Korepanova S. A. Contribution V. G. de Gennin in socio-economic development of the Urals [Vklad V. G. de Gennina v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Urala]. *Rossiia – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropeyskom prostranstve: Materialy V mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. St. Petersburg, 2014. P. 173–188.
6. Makeenko L. N. Engineers Lamothe de Champeaux and Wilhelm Adam Kirshenshteyn – headed fortifications' construction in Pskov in 1701 [Inzheneriy Lamot de Champii i Vil'gel'm Adam Kirshenshteyn – vo glave stroitel'stva fortifikatsionnykh sooruzheniy Pskova v 1701 gody]. *Kul'turnye initsiativy Petra Velikogo: Materialy II mezhdunarodnogo kongressa petrovskikh gorodov*. St. Petersburg, 2011. P. 184–191.
7. Stepanov S. D. *Sankt-Peterburgskaya Petropavlovskaya krepost'. Istoriya proektirovaniya i stroitel'stva* [St. Petersburg Peter and Paul Fortress. The history of design and construction]. St. Petersburg, 2000. 240 p.

Поступила в редакцию 28.02.2016